

Андровская, Еланская

Выдающиеся творческие достижения О. Н. Андровской и К. Н. Еланской в создании спектаклей Московского Художественного театра отмечены высокой и заслуженной наградой — Сталинской премией.

Совсем молодыми вошли эти актрисы сперва во Вторую студию, а затем в труппу Художественного театра. Их большие таланты созрели в атмосфере поисков высокой жизненной и художественной правды. Они вправе считать своими непосредственными учителями К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, которые заботливо оберегали их от влияния дурных театальных штампов.

Интересные, столь глубоко различные дарования Андровской и Еланской как бы вновь подтверждают, что сценическое учение Станиславского и Немировича-Данченко не только не ведет к скучному сглаживанию индивидуальных особенностей, но, напротив, обеспечивает их полный и блистательный расцвет.

Количество сыгранных ими ролей, в особенности у Андровской, невелико, но каждая из этих ролей была плодом серьезных поисков, раздумий и упорной работы. К творчеству Еланской и Андровской применимы слова Вл. И. Немировича-Данченко, определявшего ценность актеров не по количеству сыгранных ролей, а по глубине, по типичности созданных ими характеров.

Параша в «Горючем сердце», сыгранная Еланской еще в пору профессиональной неопытности актрисы, обнаружила в ней настоящий душевный трепет. И я помню, как К. С. Станиславский в ответ на замечания прессы о незрелости актрисы встал на ее безоговорочную защиту. Сквозь неровности игры, сквозь неполное умение донести тему Станиславский уже в те годы угадал в Еланской ее будущее.

Уже с первых шагов К. Н. Еланской на сцене она обратила на себя внимание силой и глубиной переживаний в исполняемых ролях. Сперва неотчетливо и негармонично, но и тогда уже сильно определилась та основная тема, которая затем широко и свободно развернулась в ее творчестве. Актриса предельной душевной искренности, Еланская рассказывает со сцены повесть о судьбе русской женщины, о ее высоких нравственных качествах и героизме. Печатью большой внутренней чистоты и твердой веры в прекрасное отмечены все созданные ею образы.

Еланская умеет показать, как в упавшей на дно, порою пьяной, порою грубой Катюше Масловой возрождается ее внутренняя, никогда не исчезающая красота и чистота. Каким ничтожным и жалким становится князь Нехлюдов перед честностью и силой Катюши! Она в полной мере воплощает замысел постановки, которая рассказывает именно о воскрешении Катюши к новой жизни. Поэтому финал спектакля в исполнении Еланской звучит оптимистически и твердо, какие бы разочарования ни ждали впереди ее героиню.

Тончайшей поэзией окутывает Еланская образ Ольги в «Трех сестрах». Печать чеховского мудрого и горького знания жизни лежит на всем ее печальном, красивом и внешне спокойном облике. Но зритель угадывает в Ольге тоску несбывшихся желаний, боль одиноких мыслей, большую внутреннюю победу над собой. И с особым волнением слушает он заключительный монолог Ольги, пропозированный верой в будущее, монолог, который является ключом к режиссерскому замыслу последней постановки «Трех сестер».

Это высокое благородство русской

женщины Еланская увидела и с большой полнотой раскрыла и в советских пьесах. Важнейшие из созданных ею образов советских женщин — Любовь Яровая и Мария Николаевна в «Русских людях».

В первой из них Еланская просто и вдохновенно поведала о том сложном пути, которым пришла Яровая к революции, о том, как она победила свою личную боль. Именно борьба с собой стала основной темой в исполнении этой роли Еланской. Она смело ввела зрителей во внутренний мир своей героини, не способной мириться с компромиссами, ищущей глубокой веры и ненавидящей предательство. В личной трагедии Яровой Еланская увидела трагедию общественную. Поэтому-то все ее страстное, трепетное исполнение было проникнуто единой целеустремленностью. Заключительная фраза роли «... я только с пыленного для верный товарищ» звучала не только эпилогом к пьесе, но и прологом к новому жизненному пути Любови Яровой. И когда зритель снова встретился с Еланской в «Русских людях», казалось, что Мария Николаевна в ее исполнении продолжает линию, начатую Яровой. В условиях войны с фашистами Мария Николаевна обнаруживает ту высокую принципиальность, ту беспредельную любовь к Отечеству и героизм, которые так существенны для понимания Еланской облика советской русской женщины.

Чем дальше развивается — через такие образы, как Катерина в «Грозе», Юлия Тугина в «Последней жертве», Анна Каренина в телефильме романа Л. Толстого — талант К. Н. Еланской, тем больше торжествует высокая и ясная простота ее искусства — свидетельством не только первоклассного мастерства, но и глубочайшего знания жизни и людей.

Образы, созданные О. Н. Андровской, лежат совсем в другой плоскости. Блестящая комедийная актриса — актриса совершенного технического мастерства, обаятельных внешних данных, отточенной формы, грации и лукавого юмора, Андровская вышла далеко за пределы того амплуа, которое было бы ей предназначено в старом театре. Вряд ли можно найти другую актрису, вся сумма данных которой порочила бы ей легкую театральную судьбу, быстрые победы в легких и выигрышных ролях. Начав свою сценическую жизнь в театре Борна, где под руководством таких блестящих комедийных мастеров, как Радин, она могла бы обеспечить себе аффертную театральную карьеру, Андровская ушла в Художественный театр, предпочтя упорный труд и учебу.

Можно сказать, что Андровская всем своим творчеством преодолевала штампы своего амплуа. Ей было всегда интересно за ролью увидеть глубокую психологию образа, подчинить свои внешние данные созданию всегда оригинальных, неповторимых характеров.

Как актриса Андровская относится к себе с предельной требовательностью. Блеск ее комедийных ролей, неожиданных образов рождается через постоянную самопроверку. В работе над ролью она всегда предпочитает труднейший путь легчайшему. Потому в таком восхождении был К. С. Станиславский, работая с ней над первой ее большой ролью — ролью Сюзанны в «Женитьбе Фигаро».

Быть может, больше чем какой-либо другой исполнитель этого спектакля, Андровская угадала сложную задачу, поставленную режиссером, стремившимся соединить глубокую правдивость с великодушным темпом французской комедии, сохранить блистательный стиль Бомарше и в то же время решительно освободиться от традиционных для исполнительницы Сюзанны приемов субретки, почув-

ствовать в Сюзанне с ее веселым юмором и иронией дочь смелого, жизнерадостного и умного французского народа.

Шаг за шагом как бы разматывает Андровская нить роли, всюду сохраняя духовное и умственное превосходство, которое отличает Сюзанну перед графом и графиней и которое делает ее подругой задорного, умного и проницательного Фигаро.

В «Школе злословия» за эксцентричными выходками леди Тизл, за дактильной внезапностью ее поступков Андровская показала хорошее «сердце» воспитанной в деревне простой и честной девушки.

Казалось, что роль Варвары в «Грозе» — не дело Андровской, но и здесь она одержала полную победу. Это исполнение, лишенное каких-либо черт стилизации, по законченности и совершенству принадлежит к числу лучших образов Андровской. В тяжкий мир темного царства Андровская — Варвара принесла смелую независимость, бурную жажду воли и простора, светлое мироощущение, жившее в людях, подобных Варваре и Кудряшпу. Жизнерадостность как проявление высоких моральных качеств человека — такова природа комедийного дарования Андровской.

С тем большей беспощадностью и сарказмом раскрывает она образы отрицательные. Здесь еще ярче обнаруживается та победа над амплуа, которая так свойственна всему ее тонкому и блистательному дарованию.

Когда-то, играя в американской комедии «Реклама», Андровская с предельной остротой раскрыла психологию американки-мещанки, ставшей группой в руках газетных предпринимателей и людей наживы. Со всем блеском острой наблюдательности она обнажила перед зрителем маленькую, ничтожную душонку Рокси.

Ту же беспощадность сохранила она и по отношению к Пановой в «Любови Яровой». Она увидела в ней типичную буржуазную женщину, в которой сочетаются и ненависть к красным, и презрение к белым, и полное неверие в будущее, и понимание своего падения, и невозможность порвать с окружающей средой — вся та сложная сумма переживаний, которая приводит Панову к полной опустошенности, внутренней гибели и жалкому будущему.

Андровская ни на минуту не смятчала, но и не усугубляла черные краски в этой чрезвычайно удавшейся ей роли. Как и во всех своих образах, она соединила здесь тонкую внешнюю характерность с правдой переживания. Она нашла в Пановой те самые важные черты, которые сделали ее типической для женщины капиталистического общества и которые легко могут быть перенесены сейчас на многих представителей западного мира.

Но и здесь, рисуя Панову, Андровская сохраняет свой оптимизм художника, оптимизм, который пронизывает все ее сценические создания. Не для отрицания, а для утверждения жизни служит Андровской ее тончайшее мастерство.

Актрисы октябрьского поколения, обе они — и Андровская и Еланская — тесно связаны не только с МХАТ; их творчество несет в себе лучшие черты советского театра. И высокое признание, которым отмечено сегодня искусство двух выдающихся представителей Художественного театра, знаменует собой признание и утверждение принципов высокого, правдивого, жизнеутверждающего искусства советских актеров.

П. МАРКОВ,
заслуженный деятель искусств